

ИЗ ПОКОЛЕНИЯ ПЕРВЫХ

«Шахматы являются сложным комплексом, в который входят элементы науки, борьбы и искусства. При современном уровне развития шахмат постоянно поддерживать свою технику на должной высоте можно лишь при одном условии: заниматься только шахматами. Мне это не удавалось».

Григорий Левенфиш

Проследившая долгий шахматный путь Григория Яковлевича Левенфиша, приходишь к выводу, что ни один этап его карьеры и даже, за редким исключением, ни одно его шахматное достижение не заслуживают каких-то особых, свехвосторженных оценок и эпитетов. Он добивался, конечно, внушительных турнирных побед, занимал немало призовых мест. Но соревнования, в которых он побеждал, были не самыми представительными или же в них не участвовал кто-то из сильнейших его конкурентов. Даже в расцвете сил Левенфиш мог опуститься в итоговой таблице в нижнюю половину, а после блистательного успеха выступить совсем неудачно. И все-таки его соратники и его многочисленные ученики единодушно считают Григория Яковлевича выдающимся, замечательным шахматистом. И считают так вовсе не потому, что «большое видится на расстоянии», – ведь и при жизни гроссмейстера его творчество удостаивалось высочайших оценок даже со стороны таких непререкаемых шахматных авторитетов, как Ласкер и Капабланка, Алехин и Ботвинник. Умея и зная в шахматах все, они понимали, что результаты Левенфиша не всегда соответствовали его возможностям и что очки и места не являются единственным критерием силы и

таланта. И еще они понимали, что был ряд объективных причин, не позволивших Левенфишу подняться так высоко, как он того заслуживал.

Григорий Яковлевич Левенфиш родился 9 марта 1889 года в интеллигентной и бедной семье. С шахматами он познакомился рано, но особенной любви к ним в школьные годы не испытывал, отдавая предпочтение наукам, в особенности химии. Быть может, так и прошел бы Левенфиш мимо серьезных шахмат, если бы не два обстоятельства. Во-первых, в раннем детстве Левенфиша его семья переехала в Люблин, где часто бывал великий русский шахматист Михаил Иванович Чигорин и где шахматы были довольно популярны. Во-вторых, у Левенфиша был дядя, весьма приличный шахматист, порой снисходивший до игры со своим племянником. Его партнером стал затем и отец, который играл в шахматы гораздо хуже, чем дядя, но зато отличался повышенным самолюбием. Проигрыши малолетнему сыну совершенно выводили его из себя. Он смахивал фигуры и раздраженно уходил в другую комнату. Левенфиш впоследствии тоже достаточно нетерпимо относился не только к проигрышам, но и к тем, кто в этом был повинен. Однако в отличие от отца он всегда стремился к реваншу.

Летом 1907 года Левенфиш для продолжения образования приехал в Петербург. Не сразу решив, какая профессия ему больше по душе, он на всякий случай успешно сдал приемные экзамены сразу в три института: горный, путейский и технологический. В конце концов, перевесила химия. Но выбрав технологический институт, Левенфиш, сам того не ведая, выбрал и шахматы, особенно популярные именно в этом учебном заведении.

Шахматное честолюбие пробудилось у него во время знаменитого Петербургского международного турнира 1909 года. Честолюбив и самолюбив он был всегда, но впервые эти чувства вызвали в нем шахматы. С немалым удивлением Левенфиш вдруг обнаружил в себе желание перейти из зрительного зала на сцену, чтобы оказаться рядом с прославленными Ласкером, Рубинштейном, Дурасом, Шпильманом, Шлехтером, Тартаковым...

Сразу же после окончания этого состязания был организован смешанный турнир для первого и второго разрядов, и Левенфиш

решил принять в нем участие – как представитель весьма уважаемого в Петербурге кружка технологического института он имел на это право. Первую в своей жизни партию с часами он сыграл со студентом консерватории, будущим великим композитором Сергеем Прокофьевым. Без особых усилий, не обременяя себя подготовкой к партиям, Левенфиш занял в турнире первое место.

Конечно, это был успех, но сам триумфатор, сразу ставший популярным среди студентов, не особенно обольщался. Он понимал, что победа достигнута в борьбе с такими же любителями, как он сам.

В ноябре 1909 года в шестерном турнире в Петербурге Левенфиш впервые сыграл с мастерами и сразу же доказал всем, а в первую очередь самому себе, что по крайней мере средним мастерам он уже не уступает. Дележ 1-3 мест с Лебедевым и Фрейманом поставил перед юношей весьма серьезную проблему. Из забавы, увлечения, просто игры в свободное от других занятий время шахматы, вытесняя все остальное, постепенно становились главным в его жизни. Но готов ли он был к такому повороту, устраивало ли его это? На поставленный самому себе вопрос Левенфиш был склонен дать отрицательный ответ. Во-первых, он любил выбранную им специальность и ощущал в себе силы и способности к немалым свершениям в ней; во-вторых, потому, что видел, как сложно и неустойчиво положение шахматных профессионалов, даже самых сильных, самых талантливых.

Но и сделав решительный выбор в пользу химии, он, тем не менее, не собирался отказываться от шахмат, он слишком их любил. Как шахматист, Левенфиш представлял собой типичного самоучку, одерживавшего победы главным образом за счет природного таланта – комбинационного дарования, быстроты и точности расчета. Зато там, где нужна была систематическая и кропотливая работа, фундаментальные знания – при защите трудных позиций, в стратегическом маневрировании, в технических эндшпилях и сложных дебютах – он был значительно слабее. Это обстоятельство, однако, не помешало ему на международном турнире в Карлсбаде (1909 г.) завоевать звание мастера.

В 1912 году Петербургское шахматное собрание организовало турнир тринадцати сильнейших шахматистов столицы. Пар-

тия Алехина с Левенфишем, выигранная Алехиным, решила вопрос о первом месте. Вскоре Левенфиш сыграл в весьма представительном всероссийском турнире, организованном Виленским клубом, заняв вместе с Алехиным шестое и седьмое места, а затем в Петербургском четверном турнире (Алехин, Зноско-Боровский, Дурас и Левенфиш), поделив с будущим чемпионом мира первый и второй призы.

В 1914 году Левенфиш сыграл в турнире мастеров. Это соревнование совпало с дипломным проектированием, и, конечно же, от участия в турнире следовало отказаться, но Левенфиш не смог, не нашел в себе силы это сделать. Всю жизнь он находился между Сциллой и Харибдой – шахматами и химией. Впоследствии он сам в своей автобиографии предостерег от такого совмещения главным образом тех, кто ставит перед собой большие цели. «Качество игры снижается, – писал Левенфиш на склоне лет, – объем знаний явно недостаточен, просто не хватает для этого времени, а нервная система недопустимо изнашивается». Совмещение сказалось на результатах и этого соревнования. Шедший почти весь турнир впереди Левенфиш к концу турнира заметно выдохся и взял в последних трех турах всего лишь пол-очка, что и отбросило его на пятое место.

Во время первой мировой войны о шахматах, естественно, пришлось забыть. Левенфиш много работал на военных заводах, под руководством академика Зелинского налаживал производство противогазов. После революции, которую Левенфиш безоговорочно принял, о шахматах он вообще старался не вспоминать. И что толку травить себя, когда каждому было ясно – не до шахмат в разоренной, голодной стране. У молодой республики были тысячи куда более важных забот: накормить людей, восстановить их жилища, обеспечить работой. Левенфиш с головой окунулся в хозяйственную деятельность. В ту пору у него не было времени даже на легкие партии.

Но нашлись люди, и что было особенно удивительно, поддержанные правительством, которые сочли шахматы составной частью новой советской культуры. Не считаясь с затратами и трудностями, они предприняли гигантские усилия для того, чтобы восстановить, создать на принципиально новой основе шахмат-

ное искусство, сделать его достоянием всего народа. В октябре 1920 года в Москве на Всероссийской Олимпиаде практически удалось собрать всех лучших шахматистов страны.

Левенфиш, хотя и с опозданием, тоже прибыл в Москву и занял в турнире третье место (первое – Алехин, второе – Романовский). Но дело было даже не в результате. Вместе со всеми другими участниками Левенфиш был поражен принципиально иным, по сравнению с дореволюционными годами, отношением к шахматам и шахматистам.

Зрительский интерес к турниру был огромен, и Левенфиш впервые ощутил, что шахматы перестают быть его личным делом, что они нужны людям. Мысль эта наполнила его радостью и гордостью, но вместе с радостью пришла и тревога. Теперь он не имел права играть плохо, некачественно, непрофессионально, но для хорошей игры нужно было ликвидировать все огрехи, нужно было много и упорно работать. И опять перед ним встал вечный вопрос – как совместить в своей жизни шахматы и основную профессию. И опять он не нашел в себе силы отказаться от химии. Правда, теперь он стал уделять специальной шахматной подготовке намного больше времени, но за счет выходных, отпусков, бессонных ночей.

В чемпионате Петрограда 1922 года Левенфиш с блеском занял первое место (9 из 11), во Втором чемпионате РСФСР 1923 года финишировал вторым (после Романовского), в 1924 году защитил свое звание чемпиона Ленинграда, а в Третьем всероссийском чемпионате 1924 года разделил 3-4 места. В это время он активно сотрудничает в печати, сначала в «Шахматном листке Петрогубкоммуны», затем в «Шахматном листке» и в ежемесячном журнале «Шахматы».

Четвертый чемпионат страны (1925) Левенфиш начал с двух нулей, но все же занял второе место (первое – Боголюбов). В знаменитом Московском международном турнире 1925 года, вызвавшем в Советском Союзе небывалый зрительский интерес, он мечтал показать все, на что считал себя способным. Но... чудес не бывает. Борьба и побеждать лучших шахматистов мира между делом, в свободное от работы время?! Левенфиш занял скромное пятнадцатое место, но завоевал призы за лучшие результаты в

последних пяти турах и против призеров. Неважный общий итог не слишком огорчил Левенфиша. Он понимал и видел, что способен на значительно большее. Незадолго до турнира он получил очень обрадовавшее его письмо от Алехина, который писал ему, что шахматисты всего мира высоко оценивают его игру и что организаторы любого международного соревнования всегда будут рады, если Левенфиш согласится принять в нем участие.

Стремление совмещать напряженную работу с игрой в самых ответственных соревнованиях требовал от Левенфиша огромных затрат нервной энергии. И хотя 40 лет обычно считаются для шахматиста годами расцвета, силы его в это время начали сдавать. Чувство ответственности перед зрителями, перед шахматной общественностью, самолюбие заставляли его с чрезвычайной добросовестностью готовиться к каждому турниру, к каждой партии, но это еще больше утомляло его. Из чемпионата Ленинграда 1929 года он вынужден был выбыть после пятого тура, а от участия в V и VI-м первенствах страны вообще отказался.

Подобная раздвоенность, постоянное нервное напряжение, хроническое переутомление развили в Левенфише ряд не слишком приятных для окружающих черт характера, которые создали ему репутацию нудного некоммуникабельного человека. Особо сентиментальных чувств к нему коллеги, естественно не питали, даже наоборот. Его не любили и старались общаться с ним только по крайней необходимости. Но его уважали за высокопрофессиональное отношение к шахматам, за фундаментальные знания, которые он приобрел напряженным трудом в довольно короткий срок, за глубочайшее понимание шахмат. Толуш сказал однажды ленинградскому мастеру Ровнеру: «Левенфиш может играть как угодно, но все равно понимает он в шахматах больше всех нас». Его уважали за честность и бескомпромиссность.

До начала тридцатых годов Левенфиш по совокупности успехов, по крайней мере, за десяток лет по праву считался одним из сильнейших, если не самым сильным шахматистом Советского Союза. Но в начале 30-х годов началась «эра Ботвинника», за которым потянулись и другие молодые: Рюмин, Алаторцев, Рагозин, Раузер, Лисицын.

Неизбежную смену поколений Левенфиш воспринял довольно болезненно и совсем не по-философски. В глубине души он был убежден, что если бы молодость его и его многолетних соперников – Романовского, И. Рабиновича, Ильина-Женевского проходила уже после победы революции, при всемерной поддержке государства, если бы он, Левенфиш, имел возможность в свое время целиком посвятить себя шахматам, то, пожалуй, смог бы успешно состязаться с молодыми и с их лидером Ботвинником. Левенфиш с огромным уважением относился к Ботвиннику, к его таланту, невероятной трудоспособности и целеустремленности, к его умению подобрать ключи к любому противнику и устранять собственные недостатки. Но чем больших успехов добивался Ботвинник, тем сильнее хотелось Левенфишу доказать, что, поставленный хотя бы даже в приблизительно одинаковые условия, он сможет бороться с ним на равных, сможет отстаивать честь своего поколения.

В эти годы Левенфиш уделяет шахматам значительно больше времени, чем раньше, много анализирует, пишет («Статьи об Эмануиле Ласкере», «Матч Алехин–Капабланка», «IX Всесоюзное шахматное первенство»), редактирует 1-й том «Современного дебюта». И результаты не замедлили сказаться. В IX первенстве СССР 1934 года он делит 1-2-е места с И. Рабиновичем, а в X чемпионате (Тбилиси, 1937 г.) в блестящем стиле побеждает всех – и «стариков», и молодых – и занимает чистое первое место. Его победа в X первенстве была победой шахматиста, сумевшего сочетать требования современной стратегии и техники с творческими идеями старых мастеров.

Характеризуя стиль победителя, Романовский писал: «...Его «чернопольная», как он сам выразился, «сюита» в партии с Алаторцевым напоминала последовательную и целеустремленную стратегию Тарраша, разгром в партии с Макогоновым повторял энергичную стратегию атак Пильсбери. Его своеобразная тактика в партиях с Будо и Бондаревским напомнила самобытность мысли Чигорина».

Победы в двух всесоюзных первенствах подряд произвели сильное впечатление. Однако сам Левенфиш считал, что он еще ничего не доказал, ведь в обоих чемпионатах не участвовал

Ботвинник. Но и Ботвинника не устраивала подобная ситуация. Блистательный победитель международных турниров в Москве и Ноттингеме, один из главных претендентов на звание чемпиона мира, он не мог смириться с «двоевластием» в его собственной стране. К тому же по предварительным условиям один из представителей советских шахмат должен был участвовать в «АВРО-турнире» в Амстердаме. Алехин и Капабланка персонально просили советское руководство послать на турнир заслужившего это право Левенфиша. Но разве мог Ботвинник считаться с какими-то условиями и правилами, если они противоречили его личным интересам. Чтобы доказать, кто является на самом деле сильнейшим шахматистом в стране, он и посылает Левенфишу формальный вызов на матч на звание чемпиона Советского Союза.

Конечно, большинство знатоков предсказывали победу Ботвиннику. Разница в двадцать лет сама по себе казалась решающим обстоятельством. Любители прогнозов вспомнили, что в предыдущих встречах Левенфиш дважды проигрывал Ботвиннику и ни разу не торжествовал победу. В дебюте и маневренной игре преимущество Ботвинника признавалось неоспоримым. Главным козырем Левенфиша многие считали его тактическое превосходство, но было заметно, как целеустремленно и упорно Ботвинник изживал свой, пожалуй, единственный недостаток. Однако находились и такие, кто утверждал, что Левенфиш острее и тоньше, чем Ботвинник воспринимает процесс борьбы, что он сознательно стремится избежать естественных логических продолжений, особенно в позициях, которые не соответствуют его индивидуальным вкусам, что он способен вызвать осложнения, все последствия которых за доской учтены быть не могут, что технически его игра безупречна. Но даже и эти явные сторонники Левенфиша считали, что в матче с Ботвинником он обречен. Конечно, сам Ботвинник считал, что его шансы в матче предпочтительнее. В противном случае он вряд ли вызвал бы Левенфиша на матч.

В первой партии матча явственно ощущалось стартовое волнение Левенфиша, и прекрасная плановая игра Ботвинника сразу же вывела его в лидеры. Во второй партии произошло гранди-

озное сражение, в котором блестящие тактические данные Левенфиша выявились в полной мере.

Счет в матче сравнялся. После третьей партии вперед вышел уже Левенфиш, блеснувший тончайшим пониманием стратегии. Атака ферзевого фланга была проведена им безукоризненно. После двух рядовых ничьих произошел полный драматизма эпизод в шестой партии. Ботвинник изо всех сил стремился сравнять счет, но не смог все же преодолеть стойкую и искусную защиту Левенфиша. Имея в эндшпиле на пешку меньше, он должен был бороться за ничью, но неожиданно Левенфиш допустил грубый просмотр и проиграл.

Седьмую партию Левенфиш играл под влиянием незаслуженного проигрыша в предыдущей партии. В решительный момент он проявил робость и проиграл снова. Понимая психологическое состояние противника, Ботвинник стремится развить успех и в третий раз подряд одерживает победу. В девятой партии ошибается уже Ботвинник, хотя Левенфиш играет обреченно. Ничья. Это в свою очередь обескураживает Ботвинника. В десятой партии он попадает на домашнюю заготовку и быстро проигрывает.

Но счет еще по-прежнему остается в его пользу. В одиннадцатой партии Левенфишу повезло: Ботвинник просматривает несложную комбинацию и теряет пешку. Ладейный эндшпиль с лишней пешкой Левенфиш проводит безупречно. Счет результативных партий становится 4:4. Атаки в двух последних партиях проводятся (в 12-й – Ботвинником, а в 13-й – Левенфишем) тонко и энергично. Матч, продемонстрировавший высокое мастерство обоих партнеров, закончился, таким образом, вничью. Левенфиш сохранил за собой звание чемпиона СССР. За этот выдающийся успех ему присваивается второму в стране (после Ботвинника) звание гроссмейстера.

Ничего в сущности не доказав, Ботвинник все же добился того, что на турнир в Голландию поехал он, а не чемпион страны Левенфиш, который до конца жизни не смог простить Ботвиннику эту несправедливость.

Матч с Ботвинником был самым крупным достижением в жизни Левенфиша, кульминацией его шахматной карьеры. После 1937 года он еще не без успеха выступал в ряде соревнова-

ний – турнир с участием Файна (2-е место), тренировочный турнир 1939 года (3-4-е места), но в это время Левенфишу было почти пятьдесят лет и результаты его начинают снижаться.

В военные годы он в тяжелейших условиях руководил цехом на Урале, потом налаживал ряд производств в Куйбышеве. К 1945 году здоровье его было совсем подорвано, но после войны он еще довольно много играл в шахматы, не добиваясь, правда, прежних результатов и лишь в отдельных партиях демонстрируя великолепное тактическое мастерство и глубокое понимание позиции.

Умер Григорий Яковлевич Левенфиш в 1961 году, оставив о себе светлую память как один из самых талантливых, эрудированных, преданных шахматам людей. Он не стал чемпионом мира, не был даже никогда претендентом на это звание, но если бы не было Левенфиша и возглавляемого им и Романовским поколения советских шахматистов, не было бы, возможно, и последующих успехов советской шахматной школы.

